

Глава 18. Встреча

Пароход “Мария Ульянова” колёсный, двухпалубный. Места четвёртого класса в трюме, но и они мне недоступны. Расположился на палубе между двумя большими ящиками, на которых красной краской написано “не кантовать”. Пространство на одного и, следовательно, желающих его занять мало. Большинство пассажиров, разместившихся, как и я, на нижней палубе едут семьями, расстилая на ночь взятые в дорогу одеяла, а иногда даже и матрацы. С моего места виден кусок неба и медленно проплывающие берега. Основное неудобство – нельзя выпрямить ноги, на них могут наступить, и ещё тряска. Металлическая, изрытая заклёпками палуба, сотрясается в такт работающим машинам. Спать на ней трудно. Вспомнился агрегат гридневской сплотки на Усть-Язвенском рейде, пол которого сотрясался гораздо сильнее, чем палуба “Марии Ульяновой”. Но тогда это не мешало мне в недолгие минуты обеденного перерыва, пристроившись рядом с гремящим двигателем, спать глубоким сном.

А здесь, завернувшись в телогрейку, и положив голову на полупустой и от этого сильно резонирующий фанерный чемодан, я часами не мог уснуть. Тяжёлые, тревожные мысли не давали покоя. Пугала предстоящая зима в Туруханске. Смогу ли устроиться по специальности? Ведь это недалеко от полярного круга и леса там практически нет, а значит, нет ни леспромхозов, ни сплавных контор. А школа мне заказана. Похоже, придется осваивать профессию рыбака.

Болели бока, ныли согнутые в коленях ноги, гремел чемодан, тускло горели палубные плафоны. А в голове навязчиво крутились обрывки из любимого моим отцом стихотворения Апухтина “Мухи”.

Чёрные мысли, как черные мухи,
Всю ночь не дают мне покою;
Жалят, язвят и кружатся
Над бедной моей головою!
Только прогонишь одну,
А уж в сердце впиалась другая, -
Некуда спрятаться,
Всюду царит ненавистная чёрная стая.

.....
Эх! Кабы ночь настоящая,
Вечная ночь поскорее!

Чувствовал, что что-то путаю, но что именно, вспомнить не мог. Заснул только под утро, когда небо за кормой начало окрашиваться бледной зарёй. Проснулся оттого, что кто-то, зазевавшись, наступил мне на ногу и не только не извинился, но ещё и обругал: “Развалились здесь. Пройти нельзя”.

Было уже светло. Пассажиры, осторожно обходя наш табор, тянулись к туалетам, бакам с кипячёной водой. Мы им мешали, и они ворчали, особенно пассажиры первого и второго классов. И всё же не мы составляли социальное дно разместившегося на «Марии Ульяновой» общества. Как я заметил ещё при посадке, в трюме, но, разумеется, не четвёртым классом, помещались люди, которых в обычных условиях от остальной части общества отделяли колючая проволока, охранники и немецкие овчарки. Их не могли не заметить и другие пассажиры. Но внешне ничем не проявляли интереса к ним. Да и что собственно могло их удивить. Ведь заключёнными до предела был насыщен не только Красноярский край, но и вся Сибирь.

Судя по одежде, общему облику, заключённые, которых везли в трюме “Марии Ульяновой”, были не простыми работягами. Таких в прожорливую пасть Норильска возили баржами. Скорее всего, это были какие-нибудь специалисты по горному делу: инженеры, профессора, а возможно, и академики, которые, будь это до революции, ехали бы на верхней палубе в каютах “люкс”. Им платили бы большие деньги, теперь же они трудились за пайку хлеба и черпак баланды. Были среди заключённых и женщины, в основном молодые, не похожие на научных работников. Возможно, их везли с переследствия с новыми сроками.

Зеков изредка выводили на нашу палубу то в туалет, то в каюту, занятую офицерами охраны. На второй день плавания мы, палубники, обратили внимание на молодую и симпатичную женщину, которую охранник отвёл в “офицерскую” каюту. В самом этом факте не было ничего удивительного. Удивило то, как долго она там находилась, а главное вид, с которым вышла. Раскрасневшаяся, с плохо убранными волосами и смущённым лицом, она прошла между нами неуверенной походкой. Все невольно провожали её взглядом, гадая, что произошло: её пытали, били, насильовали, или она сама добровольно, ради удовольствия отдалась этому невзрачному начальнику охраны, который, как кто-то без труда вычислил, один находился в каюте.

Сначала меня переполнила ненависть к насильнику, но когда на следующий день всё повторилось, и я прочёл на её лице следы

полученного удовольствия, то растерялся. Что заставляло её идти на сближение: поблажки в режиме, дополнительный черпак баланды или тоска по мужской близости?

Я попытался отвлечься, размышляя об ожидающих меня неприятностях, читая книгу или любуясь дикой красотой Енисея, но это не помогало. Особенно по ночам. В тёмных глубинах моей души, постепенно пробуждаясь, зашевелился червь сомнений и ревности. Вспомнилось утро, когда, как мне тогда показалось, из кабинки нарядчика вышла Нина. Вспомнился Багиров, о котором она сама, не подумав о последствиях, рассказала мне. А её первая любовь, а офицеры-освободители, ночевавшие в их избе и чуть не изнасиловавшие её, а врач Александров, напоивший её снотворным. Умом я понимал, что всё это было до меня, что после нашего знакомства и близости она никогда не давала повода для ревности, что сам я далеко не безгрешен, однако продолжал ревновать, и чувство это усиливалось по мере приближения к Туруханску. Странно, но собственные грехи только усиливали это чувство. Если я, любя Нину, мог позволить себе флирт с Сашей, то почему не допустить, что и Нина способна на то же. В Туруханске она уже три года, не дурна собой, в ней есть что-то, что явно привлекает мужчин. Вспомнились письма, в которых она писала, что знакомые усиленно подбирают ей женихов, что лётчики местного аэропорта, в буфете которого ей несколько раз приходилось подменять то официантку, то буфетчицу, предлагали ей замужество, особенно какой-то Слава, выдававший себя за побочного сына Сталина. А новогодний вечер, на котором, танцуя с ссыльным эстонцем, она завоевала первый приз, после чего знакомые посоветовали незаметно уйти, дабы не разгорелись страсти. Этот вечер она описала довольно красочно.

В своё время, получая такие письма, я не очень тревожился, считая, что Нина просто хочет лишний раз подчеркнуть, что не утратила привлекательность, а возможно, даже разбудить во мне ревность. Кроме того, в то время я был чересчур занят экзаменами и сложностями своих отношений с Сашей.

Теперь же всё было иначе. Лёжа ночью на жёсткой, трясущейся палубе и изнывая от жары, исходящей от расположенной недалеко от меня кубовой, я весь отдавался разгоравшемуся во мне чувству ревности. Это было каким-то наваждением. Все мысли о подстерегающих меня опасностях, ещё недавно всецело поглощавшие меня, отошли на задний план.

Услужливая память подсовывала всё новые детали и подробности. Мучило даже то, что последнее время Нина жила в изоли-

рованной комнатке. Ведь это создавало необходимые для встреч условия, а Валерик ещё совсем маленький и у него, наверное, крепкий сон. Вспомнилось, что в последних письмах она уже не так настойчиво звала в Туруханск. Возможно, это у неё было от чувства уязвлённой гордости и обиды, а если не так? Если она перестала желать нашей встречи? И откуда это вдруг появились 200 рублей, которые она послала мне в Тамбов?

Умом понимал, что такими мыслями оскорбляю Нину, да и себя тоже, но ничего поделать не мог. Никогда не думал, что я способен на такую ревность. Всегда был уверен в Нининой любви и преданности. Всегда ли? Да и за что, собственно, могла она любить меня. Ведь ей, как я заметил, нравились мужчины совсем другого типа: черноволосые, с усиками, темпераментные, незакомплексованные. Хотя, возможно, мне это только казалось?

Желая приглушить эти мысли, остудить чувство ревности, часами простаивал я у борта теплохода, любясь бескрайней широтой Енисея, серебристой дорожкой лунного света, вспыхивающими огоньками буёв.

А в это время Нина готовилась к встрече теплохода “Иосиф Сталин”. Он должен был прибыть рано утром, и она с трепетным волнением ожидала встречи со мной. Вымыла единственное в своей маленькой комнатке окно. Ещё раз подбелила плиту, перемыла посуду, выстирала и погладила костюмчик Валерика. Сварив борщ, поставила его остывать в чулан. А потом долго не могла уснуть, терзаемая тревожными предчувствиями.

Рано утром, когда солнце ещё только всходило, одев сонного Валерика, вышла на крутой берег Енисея. В районе дебаркадера он был весь усыпан людьми. Хотя приход теплохода в северные точки всегда праздник, а такого, как “Иосиф Сталин”, праздник особенный, Нине в то утро казалось, что людей особенно много и все они, кто украдкой, а кто с нескрываемым любопытством наблюдают за ней. Поблизости расположилась группа её сослуживцев, благо рабочий день ещё не начался. Конечно, им интересно, чем закончится вся эта делящаяся уже три года история, какой будет встреча. Нина вся напряжена. Дня три до этого Янина Иосифовна водила её к своей хорошей знакомой, старенькой латышке, которая в своё время была выслана в Сибирь за прорицательскую деятельность. Старушка долго отнекивалась, утверждая, что уже давно ничем подобным не занимается, но потом, уступив просьбам Янины Иосифовны, согласилась. Усадив Нину на скамеечку около своих ног и взяв её руку в свои старческие ладони, сказала:

- Ну, милая, спрашивай, что тебя интересует.

- Сейчас ко мне едет муж. Скажите, как сложится наша с ним жизнь?

Разглядывая через очки нинину ладонь, старушка произнесла:

- Жизнь твоя с мужем сложится хорошо, у тебя будет ещё трое детей. - Потом, помолчав, с сожалением добавила. - Но на склоне лет тебя ждут потрясения.

- Какие? - мгновенно отозвалась Нина.

- Об этом я не скажу, хватит с тебя и того, что жизнь с мужем будет долгой и безоблачной!

Никакие уговоры не помогли, старушка в своём отказе была категорична. Уже прощаясь, она, как бы невзначай, добавила:

- А муж твой со “Сталиным” не приедет!

Нина, разочарованная такой явной промашкой прорицательницы, с улыбкой сказала:

- Тут вы ошибаетесь! Он приедет именно “Иосифом Сталиным”. Вот у меня его телеграмма! - И она протянула мою телеграмму, с которой не расставалась со дня её получения. Старушка, отстранив её руку, сказала:

- Если приедет, придёшь ко мне.

И вот теперь, стоя на краю лестницы, круто уходящей вниз, к реке, она с трепетом ожидала, сбудется ли предсказание, а если сбудется, то, что это может означать и что тогда делать? Валерик, задремавший у неё на плече, сладко посапывал, обхватив шею пухлыми ручонками. Вокруг уставший от ожидания народ, продрогший от свежего утреннего ветра, внизу свинцово-тяжёлые воды Енисея.

Вдруг, как шелест листьев при порыве ветра, по толпе прокатился говор. Все головы повернулись налево, туда, где в дымке утреннего тумана показался красавец теплоход. Полчаса, в течение которых он преодолевал последние километры и швартовался у дебаркадера, показались ей вечностью. Сотни раз проигрывала она в своём воображении то мгновение, когда на трапе теплохода появлюсь я. Она знала, чувствовала и понимала моё состояние и страхи, владевшие мною. Она тоже боялась, что, приехав в Туруханск и застряв здесь, я лишусь будущего. Были мгновения, когда ей хотелось крикнуть: “Робочка, не сходи в этом проклятом месте, не обрекай себя на пожизненное прозябание в этой глухомани. Как мне жить с чувством вины перед тобой, как принять жертву, цена которой - благополучие, успех, творческая осмысленная жизнь”. Думала и тут же пугалась этих мыслей. “Ведь он столько раз писал, что заниматься математикой можно где угодно, а я буду ухаживать за ним, создам все условия. Лишь бы приехал он не только

из чувства долга, лишь бы не возненавидел потом, потеряв свободу”.

Толпа медленно подтягивалась к дебаркадеру, спускаясь по крутой щербатой деревянной лестнице. Вместе со всеми спускалась и она. Ноги не слушались, колени подгибались. Вот уже и первые пассажиры с ребятишками, чемоданами, узлами. Их с теплохода выпускали первыми.

Но что это?! Сошёл последний пассажир с багажом, на берег хлынула толпа едущих дальше пассажиров, а его нет. Всё! Сбылось предсказание старухи. Как ненавидела она её в этот момент, как будто прорицательница, и только она, была виновницей происшедшего. Валерик, окончательно проснувшийся, протягивает навстречу каждому очередному приезжему ручонки и шепчет “папа”. Слов этих не слышно окружающим, их относит порывом ветра, а Нине этот шепот кажется криком. Каждый вновь появляющийся из тёмного чрева парохода рождает в ней очередную искру надежды, но, не успев разгореться, она гаснет. Уже давно прошли последние приехавшие в Туруханск пассажиры. Что-то прохрипело радио, зазывая пассажиров на борт теплохода. Постепенно, как в пасть прожорливого чудовища, втягивалась в него толпа продолжающих путь пассажиров.

Вдруг в оцепеневшей душе шевельнулся страх: может быть, он там, на теплоходе, больной и не может выйти. Она даже сделала несколько шагов в сторону дебаркадера. Но в этот момент теплоход, прогудев, стал медленно отходить от пристани. Играла обычная в таких случаях музыка, пассажиры толпились на левом борту, кое-кто махал руками. А Нина стояла окаменевшая, с Валериком на руках и не могла сделать ни одного шага. Поодаль стояли её сослуживцы и несколько любопытных. Дальше она ничего не помнила. Ей помогли подняться в гору, довели до барака.

Уходя из дома и волнуясь, она забыла закрыть наружную дверь, и собаки, забравшиеся в чулан, опрокинули кастрюлю с борщом. “Робочка, Робочка, чем бы я накормила тебя”, подумала она. Мысли, как рассыпанная мозаика, не складывались в узор. Она зашла в комнату, села на тщательно прибранную кровать. Жалобно скрипнула сетка, смялось голубое покрывало, которое она с таким трудом разглаживала ещё совсем недавно. А слёзы, обычно приносившие облегчение, не приходили.

Комната постепенно наполнялась сослуживцами. Все молчали, как будто пришли с похорон. Янина Иосифовна присела рядом и стала успокаивать. Но слова её не доходили до нининого сознания. Настойчиво, как птица в клетке, билась одна мысль: “Испу-

гался! Испугался и сбежал! В последний момент, ничего не объяснив”. Сердце её наполнялось гневом: “Никогда не прощу такого предательства. Ни одного письма, ни одной телеграммы не приму и не пошлю. Пусть едет назад, в Тамбов, в Кушмангорт. А Валерика я выращу сама, и не будет у него отца”.

Жалость к Валерику переполнила её, из глаз потекли облегчающие слёзы. Люди вокруг уже не молчали. Все разом говорили. Кто успокаивал, кто возмущался. Валерик, испуганно прижавшись к матери, затих. И тут обожгла мысль: “А вдруг его арестовали, задержали на пристани Красноярска или сняли с теплохода. Может, он сейчас сидит в КПЗ, и его избивают, а мы тут ругаем его. А может быть, он тяжело заболел и лежит в больнице без сознания”.

Кто-то высказал догадку: “Может быть, он приедет “Марией Ульяновой”. Ведь она приходит завтра утром?” Нина ничего не хотела слышать. Она была и зла и боялась за меня. Постепенно народ разошёлся. Переживания потеряли остроту, появилась надежда, и Нина стала готовить кашку Валерику, твёрдо решив, что завтра встречать “Марию Ульянову” не пойдёт.

Но утром чуть свет проснулся Валерик и стал её теребить: “Пойдём, папа приехал, пойдём”.

Она быстро, не прибирая в комнате, собрала Валерика и пошла в сторону пристани. Из-за мыса выплывал пароход. Это была “Мария Ульянова”. Её призывный гудок окончательно разбудил жителей посёлка, и пространство перед дебаркадером вновь, как и накануне, стало наполняться людьми. Ведь это был последний теплоход в эту навигацию, идущий в низовья Енисея.

Нина внушала себе, что всё это впустую, что никаким образом попасть на “Марию Ульянову” я не мог, что напрасно она пришла сюда на посмешище всему честному народу, но уйти уже не могла.

А в это время я при виде толпы, встречающей теплоход, впал в панику. Откуда и зачем на берегу собралась такая масса народа. Ведь сходить собирается всего человек десять. С нравами и обычаями жителей таких оторванных от материка посёлков я не был знаком. И мне, как и Нине, в голову пришла нелепая мысль, что все эти люди, столпившиеся у самого дебаркадера и растянувшиеся как в амфитеатре на верхней кромке крутого берега, собрались, чтобы наблюдать нашу с ней встречу. К этому я не был готов. Проявлять чувства на людях не мог и поэтому решил выйти последним, когда схлынет народ. У моих ног чемодан, в левой руке узелок с помидорами, которые так любила Нина, в правой – книга, которую я пытаюсь читать, чтобы успокоиться. Пытаюсь, но ничего не вижу и не понимаю. На берегу, у самого основания ле-

стницы, Нина с Валериком. Я её вижу, она меня, похоже, нет. Обращаюсь к молодому человеку, попутчику по нижней палубе:

– Вон видишь, женщина с ребёнком, это моя жена. Подойди к ней, и скажи, что я выйду последним, пусть не волнуется.

А в это время Нина с замиранием сердца наблюдает поток хлынувших на берег пассажиров. Меня снова нет! Рухнула последняя надежда. Только бы не потерять сознание, не упасть.

И в этот момент к ней подходит молодой человек и спрашивает:

– Вы ждёте мужа?

– Да, где он, что с ним? – спрашивает Нина, и самые страшные предчувствия наполняют её душу.

– Да нет, ничего, с ним всё в порядке, он просил передать, что выйдет последним. Он дочитывает книгу.

Последняя фраза ошеломила Нину. “Дочитывает книгу, подумай только!” Её охватила ярость. Она повернулась и, спотыкаясь, стала подниматься по лестнице.

Увидев, какой оборот принимают события, я, схватив чемодан, с помидорами и книжкой в руке кинулся за ней. Догнал на полпути, чмокнул в щёку и пошёл рядом, пытаюсь объяснить. Она продолжала кипеть.

– Возьми хоть сына на руки, ведь люди смотрят!

И действительно, мы шли между двумя шеренгами людей, которые провожали нас любопытствующими взглядами. Я, передав ей книгу и узелок с помидорами, взял Валерика. Он обвил мою шею ручонками и прошептал: “Папа”.

Что-то дрогнуло в моей душе. Захотелось целовать эту милую родную мордашку. Но кругом были люди, люди, ждущие от меня именно этого поступка. А это смущало и сдерживало меня. Я только ещё крепче прижал его к себе и прошептал в ответ: “родной мой Валерик”. Пытка человеческим любопытством продолжалась ещё минут десять, пока мы не подошли к сложенному из брёвен бараку с множеством пристроенных к нему дощатых прихожих. Наконец, захлопнувшаяся за нами дверь отсекала любопытных, и мы остались одни.

Небольшая, продолговатая комната. До желтизны выскобленные полы, белёные стены. В дальнем конце по-сибирски маленькое окошко, занавешенное тюлевой занавеской. У окна стол. Над ним, под оранжевым шёлковым абажуром, электрическая лампочка. Слева, почти у входа, плита. За ней Нинина кровать. Напротив кроватка Валерика. У входа домотканый половик. Вместо шкафа, справа от входа, вешалка, занавешенная простынею. На стенах ни

картин, ни фотографий. Только около кровати Валерика прибит небольшой матерчатый коврик. Комната была бы похожа на келью, если бы не этажерка в правом дальнем углу. Она вносит живость и теплоту. Зеркало, фотографии, губная помада, карандаш для бровей, градусник и коробка с лекарствами. Ниже нехитрые швейные принадлежности, шкатулка с письмами и стопочка книг.

В этом аскетическом интерьере не свойственный Нине беспорядок: не застеленная кровать, неприбранная одежда. На столе тарелка с недоеденной кашей. На всём печать спешки и обречённости. Разбросанные вещи как будто кричат: “К чему всё это, если он не приедет!”

В комнате мы одни. Ни объятий, ни поцелуев. Нина молча, взяв у меня Валерика, села на единственный свободный стул. Мне осталась кровать. Сел. Жалобно заскрипели пружины. Молчим. Я всё ещё под впечатлением перекрёстного огня откровенно любопытствующих взглядов и неожиданной нининой агрессивности. Нина во власти обиды: “дочитывает книгу - ведь это ж надо! И Валерика не догадался взять на руки, не прижал, не поцеловал! И вообще не выразил никакой радости! И вот теперь сидит какой-то чужой, незнакомый! Приехал из жалости, из чувства долга!” Так думала она, а вслух сказала:

– Хотя бы какую-нибудь игрушку Валерику привёз. Ведь он так ждал.

Её упрёк попал в цель и направил мои мысли совсем по другому руслу. Я действительно виноват. Игрушку надо было купить сразу после того, как сменил билет. А я, занятый мыслями о том, что меня ждёт в Туруханске, вспомнил о ней только на борту парохода. Права была Эрночка, когда писала *“Нина принесла тебе высший дар: родила тебе сына, это её гордость. Ты же равнодушно принял от неё этот дар и этим делаешь ей больно”*. Но она же и оправдывала меня, когда писала: *“Я верю, что у тебя к нему нет особенного чувства, потому что он для тебя лишён реальности, но ради Нины ты должен быть внимательным к нему, проявлять больше интереса к его маленькой личности, которая является частицей тебя”*. Я это понимал и верил, что нужные чувства придут. Более того, я это уже почувствовал, когда его тёплые ручки обнимали меня за шею. Но понимает ли это Нина и разве сейчас это главное? Ведь я приехал и мы, наконец-то, вместе. К тому же впереди столько проблем. Да и денег у меня не было. И ехал я впроголодь. А она, вместо того чтобы накормить,

читает нотацию. Волна обиды нахлынула на меня. Подавляя это чувство, сказал:

– Я конечно виноват, но были проблемы с деньгами. Последних два дня их не было даже на то, чтобы купить булочку в буфете.

Поняв упрёк, Нина вся напряглась и, промолвив “прости”, направилась к плите разводить огонь. Я подсел рядом и начал строгать лучины. Не прошло и десяти минут, как весёлый огонь запылал в плите, а мы, как когда-то в лагере, сидя плечом к плечу, чистили картошку.

Я понимал, что должен взять её руки в свои, прижаться щекой к её щеке, обнять, поцеловать. Более того, я желал этого, но присутствие Валерика, с любопытством наблюдавшего за нами, мешало мне. К тому же хотелось, чтобы первый шаг сделала Нина. Ведь я приехал, презрев опасности. Даже посторонние, чужие люди считали это благородным поступком, а мой попутчик в Ското-прогонном назвал меня “декабристкой”. Нина же, привыкшая к тому, что инициатива примирения всегда исходила от меня, возмущалась:

– Сидит, как истукан, ни обнимет, ни приласкает. Думает, что осчастливил нас своим приездом, что мы должны теперь плясать от радости, обнимать и целовать его. Робочка, Робочка! Насколько проще и доступнее был ты там, в лагере, до того, как получил высшее образование.

И в этот момент, воспользовавшись тем, что Валерик, занявшись своими игрушками, сел к нам спиной, я обнял её и украдкой поцеловал. Поняв в чём дело, она шёпотом спросила:

– Это ты из-за него, правда?

Я кивнул головой.

– Вот чудак, – в её голосе прозвучали нотки радости и примирения.

Я понял: первый шаг совершён! Остальное сделают время и чувства.

После завтрака, отведя Валерика в садик, направились в комендатуру, где должна была решиться наша судьба. Нам невероятно повезло. Как раз в эти дни в Туруханске находился начальник над всеми ссыльными и спецпоселенцами в крае не то подполковник, не то полковник госбезопасности Колягин. Он принял нас, выслушал и дал согласие на переезд в Енисейск, расположенный, как нам сказали, примерно в четырёхстах километрах к северу от Красноярска. Однако для этого мы с Ниной должны были оформить наш брак в ЗАГСе. Причём как можно быстрее, ибо послед-

ний пароход, которым мы могли выехать из Туруханска, была “Мария Ульянова”, возвращавшаяся с севера в Красноярск. При содействии всё той же Янины Иосифовны, в нарушение существующих правил, регистрацию назначили на 25 сентября. Регистрация проходила совсем буднично. Свидетелями были Янина Иосифовна и один из Нининых сослуживцев. Нашу просьбу записать Нину и Валерика на мою фамилию отклонили самым решительным образом. Нине это не положено, как ссыльной, Валерика же для этого нужно было предварительно усыновить. Поэтому в его свидетельстве о рождении в графе отец ещё многие годы стоял жирный прочерк.

Вечером – нечто, что должно было символизировать свадьбу. Я изо всех сил сопротивлялся этому мероприятию, но отменить его не смог. Собрались ближайšie Нинины сослуживцы, знакомые, человек десять. Принесли с собой, кто что мог: винегрет, пельмени, небольшой торт и даже бутылку шампанского. Я сидел, забившись в угол, под пиджаком нижняя рубашка, ничего другого белого у меня не оказалось. Выполнять ритуальное целование под возгласы “горько” отказался наотрез. Как призналась мне позже Нина, Яблонская, большая любительница шумных застолий, уже прощаясь, спросила: “И его ты ждала три года?”.

Два следующих дня прошли для Нины в беготне: надо было передать дела, продать некоторые из ненужных вещей, получить деньги и приобрести билеты на пароход. Я в это время занимался домашними делами: готовил обед, мыл посуду, играл с Валериком. Двадцать седьмого мы снова посетили комендатуру. Колягин был ещё там. Он забрал мой паспорт, сказав:

– Нину Георгиевну Терещенко отпускаем до Енисейска под Вашу ответственность. В залог оставляем Ваш паспорт. По приезде в Енисейск она должна немедленно явиться в комендатуру и встать на учёт. Там же вы получите свой паспорт. Но не исключено, что, в конце концов, и Вас, как лицо немецкой национальности, поставят на учёт.

На следующее утро, погрузив на взятую у соседа тачку нехитрый багаж, направились к дебаркадеру. Обходная дорога, обеспечивающая плавный спуск к Енисею, раскисла от морозящего дождя и снега. На полпути ось тележки сломалась, и завёрнутые в одеяло перину и две подушки пришлось тащить на себе, а хозяину тележки заплатить пятьдесят рублей. После этой траты у нас осталось всего 250 рублей.

И вот мы снова на пароходе “Мария Ульянова”. Нина с Валериком в каюте третьего класса, а я, как и неделю назад, на палубе,

между ящиками и цепями. Но теперь у меня перина и путь наш лежит не на север, а на юг. К тому же с питанием лучше. Кушаем втроём в нининой каюте. Её попутчица не возражает, ей очень нравится Валерик, и она с ним беседует, как с взрослым.

Однако чувство тревоги меня не покидает. Более того, оно усилилось. Возросла ответственность: за Нину, за Валерика. Очень беспокоило, то, что ко времени приезда в Енисейск, у нас останется не более двухсот рублей. Это максимум на две недели. А потом? Удастся ли быстро найти работу, жильё? Да и что это за город Енисейск? Из справочника, которым перед отъездом снабдила нас Янина Иосифовна, узнал, что современный Енисейск - центр Енисейского района, расположен в 347 километрах к северу от Красноярска. Примерно 16 тысяч жителей. Предприятия судостроительной и пищевой промышленности, судоремонтные мастерские, леспромхоз, сплавной рейд, учительский институт, педучилище, краеведческий музей.

Наличие леспромхоза и сплавного рейда вселяло надежду, что работу найти удастся. Упоминание об учительском институте всколыхнуло волну смутных надежд. Смогли же мои предки реализовать свою из поколения в поколение передающуюся мечту, наладить работу переплётной мастерской. Почему бы и мне не реализовать свою мечту - преподавать математику в вузе.

К Енисейску "Мария Ульянова" подошла третьего октября 1952 года, на шестой день пути. С верхней палубы, куда мы поднялись, Енисейск смотрелся, как и положено провинциальному российскому городку глубокой осенью. Обилие серых одноэтажных деревянных домиков, отдельные разбросанные среди них двухэтажные каменные строения, наверное, принадлежавшие до революции купцам и золотопромышленникам, и на удивление много церквей, о которых ничего не говорилось в прочитанном мною справочнике. Берег низкий, размытый быстрыми водами Енисея, со следами недавних оползней, по кромке обсажен деревьями. Их болезненно-скрюченные корни беспомощно торчат из земли. На голых ветвях отдельные, ещё не сорванные непогодой посеревшие листья.

К дебаркадеру причалили правым бортом. На нижней палубе толпа пассажиров. Среди них я с багажом и Нина с Валериком. Как только матросы закрепили трап, на палубе появился капитан госбезопасности и, перекрывая гул толпы, закричал:

- Кто здесь Терещенко?

Не успела Нина отозваться, как стоящая перед ней женщина испуганным голосом ответила:

- Я Терещенко, а что?

- Нет, нет! Это я Вам нужна, - вмешалась в их разговор Нина.
- Нина Георгиевна? - уточняет капитан.
- Да, Нина Георгиевна, 1923 года рождения.
- А Ваш муж?
- Он здесь, рядом. Мы сейчас сходим.
- Хорошо, завтра утром приходите оформить свой приезд, - объявил капитан и, развернувшись, покинул пароход.

И вот мы на дебаркадере. Как и в Туруханске, моросит дождь, но не так холодно и нет снега. Я стою, прислонившись к пожарному щиту. Рядом большой наспех связанный тюк и два чемодана. Вокруг суетятся люди: встречающие, провожающие, отъезжающие. Какие-то бородатые мужики в брезентовых куртках с красными, обветренными лицами продают рыбу. Продаются бочками, прямо с борта «Марии Ульяновой». Здесь же торгуют ягодой. В основном спелой темно бордовой брусникой и ярко-красной клюквой, от одного вида которой у меня сводит скулы. Матросы тянут канаты. Пассажиры им мешают, и они беззлобно ругаются.

Наконец пришла Нина с Валериком и сообщила, что в камере хранения вещи будут принимать только после отхода теплохода. Затем, помолчав, нерешительно добавила:

- Принимать будут только чемоданы!

Эта была неприятная новость. Она означала, что тюк с периной, одеялом и двумя подушками, самую громоздкую и неудобную для транспортировки часть нашего багажа, придется тащить на себе, через весь город. А ведь я еще в Туруханске просил Нину продать эти вещи. Так нет, отказалась.

– Для нее постель всегда была центром мироздания, – с досадой подумал я, но вслух ничего не произнес.

Нина, заметив мой недовольный вид, примирительно сказала:

– Ну, не сердись, я уже все продумала, вдвоем как-нибудь донесем, – и стала переупаковывать злосчастный тюк, отделяя от него одеяло и подушки. Мы с Валериком, как могли, помогли ей.

Прошло не меньше часа, пока, наконец «Мария Ульянова», надрывно прогудев, не стала готовиться к отплытию. Матросы убрали трап, на дебаркадере отдали «концы», что-то прокричал в мегафон капитан и теплоход, медленно разворачиваясь, стал отходить от пристани.

Я смотрел ему вслед, прощаясь, как мне казалось навсегда, с последним в этой глуши островком цивилизации.

- Теперь в моей жизни уже не будет ни красивых домов, ни асфальтированных улиц, ни уютных тенистых аллей, – с грустью подумал я. Подумал и тут же вспомнил Эрночку. В период моего посещения Здвинска, она призналась:

- Знаешь, чего мне особенно не хватает? Никогда не догадаешься: «Липок»! Да, да, того парка около консерватории в Саратове, в котором вы с мамой так часто ждали меня. Тенистый парк, белоснежные скульптуры, здание консерватории, они до сих пор являются мне во сне. Неужели никогда уже не придется мне побывать в тех местах?!

Петя терпеть не мог такие разговоры. Мещанство, Майеровское мещанство – безапелляционно заявил бы он, услышав Эрночкино признание.

Конечно, мои переживания по поводу отсутствия асфальтированных улиц, красивых зданий, тенистых парков, это только внешний слой. Под ним с очевидностью скрывались более глубокие переживания, признаться в которых даже самому себе не хотел. Но они рвались из подсознания, и поделаться с этим я ничего не мог. Несмотря на все уверения, что не жалею о совершенном поступке, в глубине души меня терзали сомнения. Не лучше ли было, как советовал Петя, не спешить, обосноваться в каком ни будь городке, устроиться на приличную работу, посылать Нине деньги и ждать окончания Нинино срока ссылки, до которого осталось каких то полтора года. А так меня наверняка закрепят на поселении, и прощай все честолюбивые планы, аспирантура, научная работа. Казалось вся моя прошлая жизнь, вернее та её часть, которая была связана с долагерным прошлым, наивными юношескими мечтами и надеждами окончательно ушла в прошлое, и все пути к отступлению были отрезаны. Совершенно неожиданно вспомнился Тамбов, набережная Цны, скамейка перед суворовским училищем. Я гнал от себя эти воспоминания и чувства некогда владевшие мною. Усилием воли подавил в себе эти мысли. Нет, я не в праве жалеть, что приехал, иначе, в чём же смысл моего поступка. И все же эта новая для меня жизнь тревожила и пугала. Пугала той страшной ответственностью, которую я теперь брал на себя.

Давно уже скрылась за поворотом реки «Мария Ульянова», незаметно растеклись по улицам и скрылись в домах приехавшие вместе с нами пассажиры, а я все стоял в каком-то оцепенении, не решаясь двинуться в этот серый исхлестанный временем и непогодой городок. Не знаю, сколько бы я так простоял, если бы не Нина:

- Робочка, что с тобой? – промолвила она, немного неуверенно.

В её голосе была и тревога, и обида, и жалость. Она всё поняла, и мне предстояло снова, в который уже раз, уверять её в том, что нисколько не жалею о своем приезде, что по-прежнему люблю ее. Но в присутствии Валерика такой разговор был совсем неуместен. Да и говорить на эту тему мне не хотелось. Сдав чемо-

даны и взвалив на плечи узлы, двинулись мы по указанному Яниной Иосифовной адресу.

Нам еще повезло, оказалось, что нужная нам улица Бабкина, начиналась как раз в том месте, где стоял дебаркадер. Перпендикулярная Енисею, она, пересекая город, переходила в окружающие его пустыри, за которыми начинался лес. Маленькие деревянные домики, раскисший от дождя тротуар, покосившиеся заборы и почти полное отсутствие деревьев. Мало прохожих, зато много собак. Собак самых разных пород и окрасок. Они понуро плелись за нами, изредка скаля зубы и огрызаясь.

Хозяева, старик и старушка приняли нас душевно, выделили угол, затопили печь, сварили картошку. Нина, расстелила перину прямо на полу и приготовила постель. Валерий, уставший от обилия впечатлений, поев, уснул крепким сном. Мы же со стариками расположились на кухне. Рассыпчатая картошка, растительное масло, ржаной хлеб. А за окном осенняя непогода. Старики расспрашивали Нину о Янине Иосифовне, её муже и дочерях, об изменениях, происшедших в последние годы в Туруханске. Мы их – о жизни в Енисейске, возможностях найти работу, снабжении, ценах на рынке.

Потом, я ещё долго не мог уснуть. Было жарко, где-то верещал сверчок, а лежащий между нами Валерик то и дело толкал меня ножками. Я смотрел в чёрную пустоту комнаты, пытаюсь сосредоточиться на мучивших меня проблемах. Но мысли путались, перескакивая с одной проблемы на другую. По дыханию чувствовал, Нина тоже не спит. Ее тоже мучают мысли, но, наверное, совсем другого свойства. Однако объяснить, и успокоить ее я не мог. В соседней комнате, вздыхая и охая, ворочались во сне старики. Почему-то я этому был даже рад. Проблемы, мучившие Нину, казались мне, с одной стороны, надуманными, а с другой, неразрешимыми.

Утром, памятуя о предупреждении коменданта, мы, прежде всего, направились в комендатуру. Дождь кончился. Хотя и хмуро, но всё же светило осеннее солнце, и Енисейск уже не смотрелся таким мрачным и неприветливым, каким показался нам накануне. Главная улица, которая, как и положено, носила имя Ленина, шла параллельно Енисею и за пределами города переходила в Енисейский тракт, соединяющий Енисейск с Красноярском. На коротком отрезке от улицы Бабкина до речки «Мельничной», впадающей в Енисей, располагались практически все административные учреждения города, и почти все магазины. Два квартала добротных каменных домов, построенных очевидно еще в прошлом веке. Несмотря на облупившиеся и выщербленные в отдельных местах фасады они сохраняли внушительность и благородство старины.

Среди них выделялось трехэтажное здание средней школы, возведенное еще в 1886 году, а так же одноэтажное здание горкома партии, до революции принадлежавшее, по словам старожилов, какому-то богатому золотопромышленнику.

Как мы узнали позже, был в Енисейске еще один островок каменных зданий. Располагался он совсем недалеко от центра, на самом высоком в городе месте. Составляли его бывший монастырь, обнесенный каменной оградой и приспособленный теперь под пивоваренный завод, аптека, сохранившая свой интерьер еще с дореволюционных лет и действующая церковь, что по тем временам было довольно редким явлением.

В центральной части улица Ленина расширялась, образуя небольшую площадь. Судя по всему, именно здесь проводились все наиболее важные массовые мероприятия: митинги, шествия, демонстрации. Главным нервным узлом площади, придававшим ей особое политическое значение, была беломраморная статуя Сталина. Строгая, величественная она невольно притягивала взоры людей, независимо от их политических убеждений и эстетических предпочтений. Чуть поодаль деревянная трибуна со всеми атрибутами митингов и шествий. На двух столбах, стоявших по краям площади, большие металлические громкоговорители, которые в народе за их внешний вид и главное за их назначение называли «колоколами». Из их металлических чрев лились звуки какого-то патриотического марша. На следующий день, пятого октября, они должны были транслировать торжественное открытие 19-го съезда партии. Здесь же колышимые ветром лозунги с приветствиями в адрес руководителей партии и правительства, делегатов съезда.

Комендатура располагалась напротив площади в одном здании с милицией. Там Нину поставили на учёт, а мне выдали справку, сказав, что вопрос о паспорте будет решаться в Красноярске. А мы-то надеялись, что его пошлют вместе с нами фельдъегерской почтой. На мой вопрос примут ли на работу без паспорта, довольно грубо ответили:

- В Енисейске с таким паспортом, какой был у Вас, без нашего разрешения всё равно никто на работу не примет. Если возникнут проблемы, пусть звонят нам.

Мы вышли. Скрипнув, захлопнулась, притянутая жесткой пружиной, дверь. Теперь Енисейск уже не казался таким мирным и уютным городком, каким я его ощутил утром. Даже солнце, которое до этого хотя и скупое, но всё же светило, скрылось за серой дымкой. Поблекли краски и окружающие нас дома потеряли свою привлекательность. И только статуя вождя, мерцающая белым мрамором, по-прежнему грозно взирала на нас со своего пьедестала.

Настроение было плохим. Резко возросла вероятность, что паспорт мне вообще не вернут, и мы еще на долгие годы, а может быть навсегда, окажемся отрезанными от цивилизованного мира. А ведь до окончания срока Нининой ссылки оставалось всего полтора года, и если бы я их переждал в центральной России, то тогда мы могли бы устроиться в каком-нибудь городке на юге страны. И хотя в большинстве случаев сроки ссылок произвольно удлинялись, полностью исключать такую возможность было нельзя.

Шли молча. Нина, догадываясь о моих мыслях, только крепче прижималась ко мне. Ей всё представлялось не столь мрачным. Главное, я был рядом. Пугало только моё отношение к происходящему. Слишком это было не похоже на меня. Вспомнив, что обещала Валерику быстро вернуться, заспешила к старикам. Я же направился на поиски работы, что теперь стало для нас самым важным. Ведь денег у нас осталось не более чем на две недели.

Воодушевляемый красным дипломом и желанием работать в школе, пошёл я, прежде всего, в Енисейское районо. Пошёл, несмотря на отказ, полученный, в своё время, в Краевом отделе народного образования: «А вдруг повезёт». Но и там мне отказали, ничего по существу не объяснив.

Из районо направился в бухгалтерию Енисейского леспромхоза, контора которого располагалась всё на той же улице Ленина, правда, уже по другую сторону Мельничной. Двухэтажное, сложенное из бруса здание. Бухгалтерия на первом этаже – шесть человек в одной комнате. Все усердно работают, и только один из столов пуст и, как мне подсказала интуиция, по крайней мере, сегодня, за ним никто не работал. Это вселяло надежду. Однако главный бухгалтер её быстро рассеял.

– Вакантных мест нет, и не предвидятся. Попробуйте сходить в Сплавную контору. Дорогу Вам укажет любой прохожий, – и все.

Я вышел, провожаемый любопытствующими взглядами сотрудников. Вышел как побитая собака. Наша с Ниной уверенность, что где-где, а в леспромхозе я себе работу найду, рухнула как картонный домик.

Не лучше встретили меня и в Сплавной конторе, которую я разыскивал более часа, плутая по бирже между беспорядочно разбросанными, кособокими штабелями, сараями и такелажем. Не оказалось вакансий и в других учреждениях, которые я успел посетить до конца рабочего дня.

Вечером, посоветовавшись с Ниной, решил, утром еще раз сходить в Енисейский леспромхоз и, проявив большую настойчивость, добиться содержательного разговора с главным бухгалтером. Показать ему справку Фаерштейна, и в крайнем случае соглашаться на временную работу.

На следующее утро разбудила нас чёрная тарелка репродуктора, передававшая материалы из рубрики «Навстречу съезду». Предприятия и хозяйства рапортовали о досрочном выполнении плановых заданий, интеллигенция, – о своих достижениях в области литературы и искусства.

Позавтракав, вновь, правда, не без колебаний, направился в Енисейский леспромхоз. На этот раз обстановка оказалась более благоприятной. Иван Сергеевич Кулаков, так звали главного бухгалтера, согласился поговорить со мной несколько минут.

- Понимаете, мы заканчиваем отчёт, – как бы извиняясь, сказал он. – Но у меня в бухгалтерии действительно нет вакантных мест.

Мой рассказ о занимаемых должностях и выполняемой в Кушмангорте работе, равно как и справка Файерштейна, не произвели на Ивана Сергеевича особого впечатления. Однако когда я сказал, что готов на любую работу, хотя бы временную, он оживился и попросил зайти через пару дней, когда закончится работа над отчетом.

Такое предложение меня не устраивало. Оказаться в неопределённом положении, при крайней ограниченности средств к существованию, я не мог. Объяснив положение, попросил дать ответ сегодня же. Тяжело вздохнув, и ничего не ответив, Иван Сергеевич вышел. Вернувшись, предложил временную работу на период декретного отпуска какой-то Веры Ивановны. Должность счетовода, оклад 450 рублей. Конечно предложение не очень заманчивое. Такой оклад, при семье из трех человек обеспечивал лишь весьма скромное, если не нищенское, существование. Однако ничего другого не предвиделось, и я согласился, в надежде, что со временем смогу устроиться на более интересную и лучше оплачиваемую должность.